

НАША СТРАНА

Год издания—55-й. Буэнос Айрес, суббота 26 апреля 2003

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 26 de abril de 2003 N° 2734

ИГОРЬ ВОРОНИН (СПб)

ИВАН СОЛОНЕВИЧ — ЖУРНАЛИСТ, РЕДАКТОР, ИЗДАТЕЛЬ

1.

Иван Лукьянович Солоневич (1891-1953) — уникальная фигура в истории отечественной журналистики XX века. Вряд ли найдется еще автор, публиковавшийся на страницах дореволюционной провинциальной и столичной печати, в белогвардейских газетах и советских журналах и, наконец, в эмигрантских периодических изданиях — как ведущих довоенных, так и послевоенных. Это более 40 лет творческой деятельности, и большую часть из них он совмещал труд журналиста и писателя с обязанностями редактора и издателя.

ПРОВИНЦИЯ

Как известно, отец И. Л. Солоневича Лукьян Михайлович совместно с П. В. Коронкевичем основал в 1909 году в Вильно газету "Белорусская Жизнь", которая отражала позиции Белорусского Общества.

В год основания вышел только один номер, с ним мы, к сожалению, не имели возможности ознакомиться, — так что говорить однозначно о дате журналистического дебюта Ивана Лукьяновича пока нельзя. Известно, что издание "Белорусской Жизни" продолжилось регулярно с начала 1911 года, а две первые заметки за его подписью (то есть не оставляющие сомнений в авторстве) появились 11 и 28 мая, и, что характерно, обе назывались "Футбол". Так юношеское увлечение, которое И. Л. Солоневич пронес через всю жизнь, открыло ему дорогу в профессию журналиста.

"Внимательно следя за всеми событиями государственной и общественной жизни в России и за границей и давая им беспристрастное освещение на своих страницах, — говорилось в рекламном объявлении, помещенном на страницах адресной книги "Вся Вильна" на 1911 год, — "Белорусская Жизнь" главное внимание будет сосредоточивать на обслуживании местных, краевых ин-

тересов, на выявлении взаимоотношений населяющих край народностей и на примирении их на почве справедливости, ни на минуту не забывая при этом, что Северо-Западный Край — Белоруссия — есть нераздельная часть Великой России, что господствующее положение в нем должно принадлежать белорусу — родному брату великорусса и малоросса, что в тесном единении этих трех племен залог могущества государства".

На практике эта изначальная установка вылилась в настоящую борьбу против польского и еврейского влияния. Борьбу, не прекращавшуюся и десятилетия спустя, когда уже не было на свете ни Лукьяна Михайловича, ни Ивана Лукьяновича. В 1989 году в издательстве "Белорусская советская энциклопедия" вышел в свет энциклопедический справочник "Гродно", в нем "Северо-Западной Жизни" посвящен небольшой, но вполне красноречивый очерк, в котором сообщается:

"Газета получала государственную субсидию, была неофициальным правительственным органом в Белоруссии и Литве. Используя тактику идейно-политической мимикрии, ее руководители сначала подделывались под издателей национально-прогрессивного демократического направления. Газета отрицала этническую, национальную и культурную самостоятельность белорусского народа, признавая только его временные и незначительные этнографические особенности. Выступала за насильственную и "добровольную" русификацию белорусов. С целью общественно-политической дискредитации освободительного и культурно-национального движения называла белорусов отсталым малокультурным "русским племенем". Делала попытки использовать авторитет русской классической литературы в шовинистических целях, вела нападки на критический реализм в литературе, музыке,

изобразительном искусстве, на произведения Л. Толстого, Л. Андреева, К. Бальмонта. С реакционно-охранительских позиций критиковала символизм и футуризм. Выступала с нападениями на гродненскую либерально-буржуазную газету "Наше Утро".

Из этой казенной советской характеристики легко вынести представление о том, что "Северо-Западной Жизни" была подлинно русской газетой, стоявшей накануне революции на страже Империи, Монархии и Православия. Под термином "государственные субсидии" надо понимать поддержку (из личных средств) премьер-министра П. А. Столыпина, который оценил дарования Лукьяна Михайловича еще будучи гродненским губернатором.

Серьезная работа Ивана Лукьяновича в газете отца началась как раз тогда, когда она сменила не только название ("Северо-Западной Жизни"), но и место выхода (Гродно), — осенью 1912 года. Временный отход от газеты был, скорее всего, вызван сдачей экстерном экзаменов в Виленской Второй гимназии, а также подготовкой к поступлению на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского Университета.

Итак, с конца октября 1912 года — Иван Солоневич не только постоянный, но и один из ведущих сотрудников "Северо-Западной Жизни", причем интересы его далеко не ограничиваются спортивной тематикой. Даже названия очерков, корреспонденций, заметок и передовиц говорят о становлении нового политического публициста всероссийского калибра: "Балканский кризис", "Польско-еврейская распря", "Drang nach Osten", "Русская точка зрения", "Австро-русские отношения" и проч.

Еще одна значительная пауза в его деятельности произошла с апреля 1913 по апрель 1914 года. Но в течение того года, помимо учебы в Петербурге, И. Л. Солоневич добился и своего самого

значительного спортивного успеха — занял второе место среди гиревиков-тяжеловесов на первенство России в Риге. Редакция же газеты "Северо-Западной Жизни" опять поменяла местоположение — переехала в Минск.

Не исключено, что перерывы в участии Ивана в отцовской газете были и не так длительны, как это видится по хронологии публикаций Солоневича-младшего: некоторые его статьи могли идти и без подписи. Это так же актуально для последнего периода работы Ивана Лукьяновича в "Северо-Западной Жизни", когда с 24 февраля 1915 года он официально становится издателем газеты.

В начале Великой войны Иван Солоневич не является еще сложившимся, зрелым автором, ему явно не хватает собственного жизненного опыта — со временем именно автобиографические отступления, иногда даже исповедальность станут яркими отличительными чертами публициста. Но и в свои двадцать пять лет он уже владеет жанровой палитрой, постигает основы искусства полемики, а такое его масштабное произведение, как "Дневник войны" (серия, состоящая из более чем 70 очерков), безусловно, превышает уровень провинциальной журналистики. Эта своеобразная летопись Первой Мировой была остановлена прекращением издания "Северо-Западной Жизни" — в сентябре 1915 года из-за положения на фронте практически все минские газеты и журналы остановили выпуск.

Идеологические установки газеты подтверждают тот факт, что И. Л. Солоневич на своем долгом журналистическом пути избежал "смены вех": монархическое, православное, патриотическое мировоззрение, усвоенное в первую очередь в семье, а затем получившее развитие на профессиональном поприще, с каждым годом только крепло в его сознании.

БОРЕЦ С ДЕМОНАМИ

С удовлетворением наблюдаем растущий в России интерес к Достоевскому, который был бы невообразим в годы большевизма. Явление это не только радостное, но и открывающее надежды на будущее.

Великий писатель, — величайший из русских писателей и один из величайших в мире, — выражаясь бытовым языком: “Плохому не научит!”

Идея православной монархии и русского патриотизма, которым он служил, — именно те, какие нужны сейчас народу нашей родины. И кто лучше в силах их проповедовать, чем этот могучий мыслитель и страстный борец за правду?

Возник вопрос — есть и предложение. К счастью России, нашли талантливые и одушевленные исследователи творчества выдающегося романиста и публициста.

Мы уже упоминали в нашей газете о превосходном “энциклопедическом словаре” посвященном Достоевскому С. Беловым.

Не менее замечательна и деятельность Л. Сараскиной, о которой нам тоже случалось уже упоминать.

Ее книга “Федор Достоевский. Одоление демонов” ставит главной задачей анализ романа “Бесы”, и в еще более узком смысле, выяснение того, в какой мере прототипом Ставрогина послужил петрашевец Н. Спешнев.

Автор однако далеко выходит за пределы данных вопросов. Дает он тут и описание семьи родителей Достоевского, и

картину формирования его характера и испытанных им литературных влияний.

Говорит довольно много и о других его книгах, помимо “Бесов”, как о “Неточке Незвановой”, “Униженных и оскорбленных”, “Записках из мертвого дома”, и “Игроке”. И даже об его неосуществленных, но намечавшихся планах. Разбирает и проблемы его сношений с издателями и с публикой.

Все это захватывающе интересно и рассказано с большим мастерством, так что данный труд можно самым горячим образом рекомендовать всем тем, кто любит Достоевского или хочет о нем побольше знать.

Жаль, что не затронут последний роман писателя “Братья Карамазовы”. Может быть о нем Сараскина написала — или напишет, — отдельное сочинение?

Возражений ей можно сделать мало. Позволим себе все же некоторые замечания.

Она видит известное противоречие в том, что отец писателя с одной стороны гордился видимо своим происхождением из литовского дворянства, а с другой был пламенным российским патриотом и убежденным православным.

Но если он принадлежал, например, к православной шляхте, права коей до какой-то степени ущемлялись в Речи Посполитой, — то и противоречия никакого нет. Напротив, понятно что этот класс держался за свою веру и с надеждой смотрел всегда в сторону России.

Не можем полностью согласиться и с нижеследующим замечанием исследовательницы (отмечающей, что будущий писатель никогда не подвергался телесным наказаниям, ни в родной семье, ни в пансионе где учился):

“Писатель Достоевский — редкий, может быть, единственный представитель русской классической литературы, который не был бит в детстве”.

Навряд ли хрупкий, болезненный и обожаемый бабушкой Мишель Лермонтов испытывал когда-либо физические наказания. Не думаем тоже, что знал их на опыте А. К. Толстой, воспитывавшийся высоко культурным и гуманным любящим дядей, старавшимся — с успехом! — развивать и способности и чувство достоинства в своем одаренном питомце.

А Пушкин, как все лицеисты, если и бывал “бит” в раннем детстве, то не старше 12 лет. Иное дело Тургенев с его капризной самодурной матерью и Л. Толстой в руках нечутких гувернеров.

Любопытен список литературы для чтения, рекомендованный Достоевским для детей: весь Вальтер Скотт, весь Диккенс, “Дон Кихот”, “Жиль Блаз”, весь Пушкин, весь Гоголь, Карамзин, Шекспир, Шиллер, Гёте. Несколько неожиданно — также и весь Л. Толстой (но позднейшую эволюцию сего последнего Федор Михайлович все же не знал!). Тургенев и Гончаров в список включены, так сказать, факультативно.

А в целом — совет неплохой и в наши дни!

Много места в книге отведено (и правильно!) опровержению гнусной клеветы, возведенной на Достоевского Страховым, — ложным другом и злым ангелом великого человека, относившегося к нему с доверием, хотя и видевшего его недостатки. Корни поведения этого клеветника прослежены Сараскиной, как уже и сделали до нее объективные аналитики истории литературы.

Абсурдно приписывать писателю преступления его персонажей, — особенно, если он именно старается их заклеймить! Что бы пришлось думать тогда об авторах детективных романов и рассказов, от Конан Дойля и Честертона до Агаты Кристи и Дороти Сейерс!

Конкретно о Ставрогине Сараскина пронизательно замечает, что Федор Михайлович создал в нем образ своего антипода, ни в чем на него не похожего, — ни в жизненном быту, ни в поведении и в устремлениях.

Сам же Достоевский был, — как и сообщали близко знавшие его современники и честные исследователи его жизни и творчества, — благороднейшим и добрейшим человеком незапятнанной честности.

И, конечно: “Одним из самых вдохновенных и глубоких художников нашего времени”, — как писал о нем Всеволод Соловьев.

Всех времен, скажем мы от себя...

ГЕННАДИЙ КРИВАГО

КАК ХОТЯТ УНИЧТОЖИТЬ РОССИЮ

Известный диссидент А. Зиновьев в своей работе “Глобальное сверхобщество и Россия” пишет, что в антирусском проекте можно выделить разные этапы. Первый — низвести русских на уровень народов третьестепенных, отсталых, неспособных на самостоятельное существование. Второй этап — направить русский народ на путь биологической деградации и вымирания, вплоть до исчезновения его в качестве этнически значительного явления.

Планируется его сокращение до 50 и даже до 30 миллионов, а потом и того менее. Разработан богатый арсенал средств для этого — недоедание, разрушение даже примитивной системы гигиены и медицинского обслуживания, сокращение рождаемости, стимулирование детских заболеваний, алкоголизма, наркомании, проституции, гомосексуализма, преступности. Намечается сжатие русских в сравнительно небольшом пространстве внутри европейской России. Возможно введение закона пропорционального разделения территорий в за-

висимости от числа людей. Тогда на “законных” основаниях русских просто согнут в резервации как индейцев в Северной Америке. Суть таких планов — довести русских до такого состояния, чтобы они не смогли удерживать занимаемую ими территорию, которая стала величайшим соблазном для западного мира.

Журналист А. Минкин, известный “демократ”, пишет: “Вот эта парочка Гайдар-Чубайс, будь они честными и увидев, чем оборачиваются их действия, которые они называют реформами, они бы просто остановились. Сказали бы: не туда идем! Даже через три месяца это можно было понять. Но уже прошло десять лет, а они все продолжают свои реформы. Невозможно больше верить, что они делают это по ошибке, или что когда-то эти “временные трудности” приведут к процветанию. Если врач видит, что больному все хуже, но продолжает давать ему все то же лекарство, он — убийца. Действия реформаторов никак нельзя иначе истолковать, кроме как сознательные губительные

действия”.

По словам журналиста С. Телегина, надежды на то, что выдвижение на сцену Путина означает переход власти к пророссийской политике, не оправдались. Именно Путину и его команде поручено выполнить обязанности ликвидационной комиссии, которая оформит завершение исторического цикла жизни России. Суждено ли мировой закулисе осуществить этот проект или нынешний нежизнеспособный обрубок соберет силы и начнет стягивать разорванные куски России до ее целостного состояния? Путин продолжает реформы, которые заталкивают Россию в окончательную катастрофу.

Распродажа земли приводит к дальнейшему сокращению сельско-хозяйственного производства (сейчас половину продовольствия страна получает по импорту) и резкому росту цен, а также к сгону крестьян с земли и заселению России приглашенными иностранцами из Азии.

При переводе жилищного хозяйства на рыночные основы, рыночная цена комму-

нальных услуг, даже при исправных водопроводах и теплосетях, стала выше средней заработной платы в большинстве областей (с разрушением государственного центрального отопления в самой холодной стране земного шара).

Чреватые бедами также расчленение и распродажа электро-энергетической системы и железных дорог — двух главных компонентов всей техносферы России, играющих ключевую роль в обеспечении ее безопасности и в соединении ее территории в единую страну. К тому же академик В. Садовничий сообщает, что Россию уже покинули около 80 % математиков, и 50 % физиков-теоретиков высшей квалификации. Причем Россию оставляют целые кафедры, лаборатории. Основной их поток устремлен в США.

В статье “Готовит ли Америка удар по России?” журналист В. Красильников пишет, что 2010 год — наиболее вероятная дата нападения Соединенных Штатов на нашу страну.

Е. КАРМАЗИН

ДРУЗЬЯМ-ЧИТАТЕЛЯМ

Как известно, Аргентина переживает тяжелейший экономический кризис. В декабре 2001 года страна объявила дефолт и с тех пор положение все время ухудшается. “Экономическое чудо” министра Кавалло обернулось экономическим коллапсом: внешний долг достиг 155 миллиардов долларов, безработица превысила 20 процентов.

Разумеется, эта ситуация сильно ударила и по “Нашей Стране”. Чудовищно подорожали и почта, и бумага; причем последняя просто стала исчезать — найти ее на рынке стоит исполинских трудов.

В силу этих обстоятельств в последнее время произошли существенные задерж-

ки в выпуске газеты. Мы приносим за это извинения нашим читателям и просим их — войдя в наше нелегкое положение — набраться терпения и поддержать газету как морально, так и материально, великодушно не обращая внимания на то обстоятельство, что мы в этом году выпускаем меньшее число номеров, чем то которое причитается за подписку. Если к тому же кто-либо сможет сделать пожертвование в фонд издательства газеты, то это очень существенно помогло бы делу.

Со своей стороны, мы обещаем приложить все усилия дабы восстановить регулярный выпуск газеты.

Бог нам в помощь!

Михаил Киреев

ОСАДА ЭМИГРАНТСКИХ ТВЕРДЫНЬ

Канны... Знаменитый на весь мир курортный город Лазурного Берега. Излюбленное место россиян в прошлом веке еще до войны и революции. Всё здесь говорит об их присутствии. Как во всех посещаемых русскими курортах, так и в Каннах был построен величественный храм. Высокая колокольня, голубой со звездами купол. И... в десяти минутах от моря, на бульваре с ласкающим наше ухо названием: Императора Александра Третьего! А напротив храма, в котором хранится множество исторических реликвий — “улица России”.

Но вот недавно, на этом же бульваре, в нескольких шагах от храма, открылся ресторан, с безобидным названием “Изба”. Однако если вы туда войдете, то увидите на стене громадный портрет... Ленина. Тут же и “красный угол”: красные флаги, красные транспаранты с красными лозунгами, серпом и молотом...

Ресторан этот поместили вблизи от нашего храма не зря: получайте СССР, а не Россию!

Париж... Город светоч. Триумфальная арка, Елисейские поля. Не так уж далеко, в аристократическом 8-м округе — известный собор Св. Александра Невского, на не менее известной Рю Дарю. (Кстати Дарю — один из генералов Наполеона, ведавший продовольствием “Великой Армии” при походе на Россию).

Храм, двор и весь квартал всегда были средоточием русской политической эмиграции. В церкви находится Крест Памяти убиенной Царской Семьи. На стенах — полковые иконы. Здесь служились полковые молебны и панихиды. Сколько белых эмигрантов было в этом храме отпето, сколько свадеб и крестин совершено...

Большой двор вокруг храма это как бы клуб для встреч, там всегда толпа, знакомые находят друг друга. А отсюда часто заходят напротив, в знаменитый га-

строномический магазин “Петроград”, как раз на углу улиц Дарю и Петра Великого. В магазине можно подзакусить, купить русские лакомства...

А рядом, всё на улице Петра Великого — известная книжная лавка Сияльского. Сколько там было издано эмигрантских книг, в том числе бессмертные труды умученного большевиками генерала П. Н. Краснова!.. После смерти Сияльского, дело велось его вдовой. А после ее смерти, попало в руки кому-то из близких родственников, уже по русски плохо изъяснявшемуся. Магазином он интересовался мало, обе громадные витрины пустовали...

Но вот разнеслась весть, что магазин Сияльского продан! Причем — продан втихомолку. И кто купил? Московская Патриархия! А заодно Алексей Второй приобрел и соседний угловой “Петроград”. Горячие пирожки там больше подавать, понятно, не будут. Все это большое пространство займет магазин, в котором пойдет торговля книгами, иконами и церковной утварью.

Прикинем, какими огромными средствами нужно обладать, чтобы в таком фешенебельном районе купить сразу два магазина! И спросим: на какой финансовый оборот рассчитывают новые владельцы, ведь надо и служащим платить, и налоговому ведомству?

Но, видимо, игра стоит свеч. Напротив эмигрантского храма, символа Белого Зарубежья, Москва бросает вызов: а мы здесь! Конечно, это лучше чем ресторан с красными флагами, но и опаснее: более эффективно в смысле усыпления бдительности.

Захват храма Св. Александра Невского станет несомненно следующим ходом Москвы...

К. ВЕЛЬЯМИНОВ

ТРЕТЬЯ СМЕРТЬ

Пусть твердят, что талант хуже пороха жжет,
Уверяя: избранников рок бережет...
Но в стране inferнальных чудес
Третий раз умирает от пули Поэт,
После речки и склона глядит пистолет
В Ковалёвский задымленный лес.

Не в пустыне Атласа, в чаду городов
Вам, шакалы, попался охотник на львов...
Он шутил, улыбался, курил...
Пусть кропает стихи перекормленный лжец,
Что у красных моторы на месте сердец —
Даже их он собой покори.

Что ему “трибунал” и “позора скамья”?
Что ему полупьяная ругань хамья?
Он слышал в африканской весне
Львиный рык на пределе земных децибел,
И Георгий на грудь его дважды слетел
На сияющем райском коне.

Но в одну из российских безумных годин
Приговор прогнусавил, рыгнул карабин,
В грудь горящая впиалась игла,
И “пришла, им отлитая, пуля за мной”,
И погасла для жизни короткой земной
Та земля, что быть раем могла.

Как поэты идут на дуэль и войну,
Он без страха ушел, он вернулся в страну,
Где врагам не достичь ничего...
Где гуляет жираф и звезда восстает,
И полковник Романов для рапорта ждет
Офицера полка Своего.

Москва

АНТОН ВАСИЛЬЕВ

РУКА ДАЮЩАЯ...

Наталья Александровна Зайцева, (урожденная Раенко) родилась в Киеве в 1923-ом году. Двадцатилетней, во время войны, выехала из России, не думая, что покидает ее навсегда.

В 1952 году с матерью, мужем и маленькой дочкой, из Германии переехала в Бразилию, где первые времена были очень тяжелые, но мало по малу жизнь стала налаживаться.

С 1972 г. в Сан Пауло стала работать для благотворительного Кулаевского Фонда. В 1976 г. Альма Юрьевна Покровская предложила ей работать и в Толстовском Фонде. С 1984 г, когда г-жа Покровская уехала в Иерусалим, бремя ответственности за работу полностью легло на Наталью Александровну. Она принимала посетителей, заполняла анкеты, вела корреспонденцию, устраивала людей в больницах и домах для престарелых — а затем неустанно посещала их.

В 1992 г. Н. А. Зайцева была избрана вице-председательницей Филантропического Общества в Сан Пауло, заведующего в то время двумя русскими старческими домами, а также состояла членом Приходского Совета Свято-Николаевского Собора в Сан Пауло. Кроме того, долгое время сотрудничала с Обществом Помощи Русским Детям.

До последних дней она навещала старческие дома. Будучи уже в больнице, все еще заботилась о неимущих и давала указания кому и как помочь.

Наталья Александровна Зайцева скончалась 19-го января 2003 года. Мир праху ее и вечная память!

Г. Л. Лукин

НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ

ЖЕНЫ СОЛОНЕВИЧЕЙ

Обеим по 88 лет. Обе пышут здоровьем. Обе басурманки. Обе переплавили себя, чтобы стать подругами жизни талантливейших русских патриотов-изгнанников. Это — Рут, немка, вторая жена Ивана Лукьяновича Солоневича, и Инга — шведка, недавно похоронившая своего мужа Юру, сына основателя "Нашей Страны".

Прошло полвека со дня смерти Ивана Лукьяновича, но "Рутика" (как он обрусил и смягчил ее жесткое имя) остается ему верна, все эти годы безмужняя. Поселившись в Манхэттэне, с головой ушла в работу и учебу, осилила факультет психологии и, дослужившись до пенсии, девять лет назад переехала в город Роанок, штата Виргиния, дабы быть поближе к своему пасынку.

"Не смейтесь надо мной", — предупреждает эта весьма рационального склада ума уроженка Лейпцига. "Я до сих пор разговариваю с моим мужем. Когда возникают трудности, всегда себя спрашиваю: как бы поступил в этом случае Ватик? И сразу проясняется здоровое решение".

Познакомились они в 1941 году в Темпельбурге, куда монархический мыслитель был сослан из Берлина нацистами за дерзкий меморандум Гитлеру. Иван Лукьянович хотел усовершенствовать свое знание немецкого, предлагая взамен обучать русскому. Тут местный зубной врач и порекомендовал ему обратиться к овдовевшей фрау Рут. Ее муж, видный эсэсовец, был незадолго до этого убит на Крите.

"В ту пору было немислимо, чтобы одинокая женщина принимала у себя на квартире мужчину. Поэтому занимались мы немецким на виду у всех, прогуливаясь по живописным окрестностям", рассказывает Рутика по-английски, с сильным германским акцентом. "Не прошло и трех недель, как однажды, катаясь на лодке, он выпалил: "Мы поженимся". Я оторопела: "У нас разница во всем: и в возрасте и в религии и в национальности — да и наши страны между собой воюют!" Но он остался невозмутимым: "Не будем говорить о различиях, нечего беспокоиться, мы все равно поженимся".

Преподавателем русского языка он был не ахти каким: "Принес мне газету "Рабочий Труд" и листок с немецким алфавитом, а под ним алфавит русский. И говорит: ну, читайте!", смеется тевтонка. Зато мужем он был заботливым: "Ну просто как мать родная. Все понимал. Все мы обсуждали вместе. Никогда голоса не повысил, бранного слова не произнес. Душа-человек".

Совсем иным однако он представлялся своей невестке: "Держался отчужденно, вечно погруженный в свой политиче-

ский мир. Я никогда не знала о чем с ним говорить". У жалобщицы по-английски еще более тяжелый выговор, чем у Рутики.

"Чудь белоглазая", как окрестил ее Иван Лукьянович, полагает, что он не был рад выбору сына: "Он хотел, чтобы Юра женился на русской". Пожалуй, в каком-то смысле писатель оказался прав. Женись Юра на русской, он вероятно не отошел бы от эмигрантской общественной деятельности после смерти отца, его дети говорили бы по-русски, а внуки не носили бы совершенно дикие имена "Шар" и "Дека" (родилась через "декаду" после "Шара").

Ведь на свежей могиле матери, Тамары Владимировны, погибшей в 1938 году в Софии от взрыва подосланной чекистами адской машины, Юра, вместе с отцом, клялся идти за Россию до конца... Инга, впрочем, думает, что эту клятву он в какой-то мере сдержал, поскольку до смерти оставался ярим ненавистником коммунистов.

Рутика же, понятно, никаких клятв не приносила, но когда в 1993 году пресловутый Вальтер Лакер оклеветал и Солоневича и Россию в своей книге "Черная Сотня", выступила против русофобас гневным письмом.

Вообще она сохранила о своем Ватике одни лишь безмятежные воспоминания. О том, как он никогда никуда не опаздывал. О том, как круглый день писал и читал, отрываясь только для гимнастики и ради пилки дров заодно с Юрой. О том, как щедро помогали его славные русские друзья, в их числе "тетя Валя", проживавшая в Швейцарии докторша, которая присылала ему в разоренную Германию бесценное кофе.

Покинув Европу и не владея испанским языком, они чувствовали себя весьма изолированными по обе стороны реки Де Ла Плата. Но в Уругвае было политически спокойнее, на Ивана Лукьяновича не доносили властям, как в Аргентине. Да и экономически стало намного вольготнее. Сын легендарного адмирала времен Русско-Японской войны, бывший белый офицер Вадим Степанович Макаров, яхтсмен и коммерсант, переводил им ежемесячно из США двести долларов, сумму по тем временам весьма внушительную.

Другая знаменитость из числа почитателей творчества Солоневича, изобретатель вертолета Игорь Иванович Сикорский предоставил им афидевит — ручательство для переезда в США. Однако Ивана Лукьяновича пришлось срочно оперировать. Думали — язва, оказалось — рак желудка. Он умер на операционном столе в Монтевидео, что по мнению Рутики было Божьей милостью: все равно ему осталось жить не более трех месяцев, а так он

миновал мучительное осознание обреченности.

К моменту когда болезнь так неожиданно свела Ивана Лукьяновича в могилу, Юра и Инга уже находились в США. Втроем они прожили 14 лет — с 1938 года. "Я думала, что выхожу замуж за одного Солоневича, а вышла за двоих", понуро улыбается Инга. "Юра даже взял отца с нами на медовый месяц: он был вне себя после гибели Тамочки, чудовищно пил, и Юра боялся его оставить одного".

Кстати, в начале 50-х годов в Буэнос-Айресе ходили байки, что под рабочим столом Солоневича стояло ведро с водкой и он черпал из него стаканом левой рукой покуда писал свои хлесткие передовицы правой... Не без некой тени неприязни Инга говорит, что "дедушка" (как она его называет по-русски), был вечно на взводе. Рутика же уверяет, что это состояние ни в чем не проявлялось: Иван Лукьянович всегда держал себя безукоризненно.

Можно легко понять причину затаенной Ингой обиды на своего блистательного свекра. Он každоденно целиком затягивал Юру в свою рабочую орбиту, увлекал его в тот самый мир, куда юной шведке доступа не было: "Я вообще их обоих очень мало видела. Юра был очень хорошим сыном, они жили душа в душу, да и у дедушки был чрезвычайно сильный характер, он вообще являлся средоточием всех окружающих. А меня не подпускал к их политической жизни, да еще нас разделяла и его широкая натура..."

Последние два слова Инга выговаривает по-русски и с подчеркнутой иронией: "Когда мы жили в Берлине, к нему валом валили русские эмигранты. И абсолютно каждого из них он уговаривал остаться поужинать, остаться переночевать. И это в пору продовольственных карточек! Ему было решительно невдомек, что я простаивала по несколько часов в очереди ради пяти-шести картошек. Однажды, засидевшаяся какая-то русская поэтесса обронила, что ей нечем укрываться по ночам. Так дедушка прошел в мою комнату, взял мое красивое финское одеяло, дар моей матери, и вручил этой даме! А когда я запротестовала, рассердился!"

Причем это не было со стороны Ивана Лукьяновича проявлением галантности. Как ни обожал он свою первую жену Тамочку, даже ей ни разу не преподнес цветов. Отсутствие у него всякой романтичности быть может предопределило его супружескую драму: периодические отлучки этой некраивой, но обаятельной женщины ко млеющему совратителю Бруно, что так мучило писате-

ля. На обороте одной своей улыбочивой фотографии, Тамочка написала мужу по-английски: "Я не буду торговаться с тобой, зная сколь тщетны были усилия втиснуть меня — скептика, бродягу, непокорную и неверную — в роль безупречной возлюбленной".

Семейный альбом Солоневичей изобилует фотографиями именно той эпохи. Здесь и Иван Лукьянович с Юрой в строю эмигрантов представляющих Великому Князю Владимиру Кирилловичу. Тут и Ватик с Севою — своим незаменимым, вернейшим сотрудником В. К. Левашевым-Дубровским. Тут Солоневич и с генералом Туркулом, которого он прочил в главнокомандующие намечающейся новой Русской Освободительной Армии — на этот раз в союзе с американцами, коли они, в различие от немцев, не станут посягать на целостность России.

Власов казался Солоневичу недостаточно антисоветским и главным образом поэтому писатель уклонился от участия в его акции. Но и до и после германо-советской войны Иван Лукьянович придерживался мнения, что без иностранного вооруженного вмешательства освобождение России от коммунизма — несбыточная мечта.

Всем этим фотографиям не хватает комментарии действующего лица, знавшего насквозь всю подноготную отраженных эпизодов, каковым являлся Юрий Иванович. Когда я его посещал в 1993 году, он мне пообещал написать воспоминания о "батяке". И, действительно, взялся за работу. Но вскоре поскользнулся в бане, получил увечья и ожоги, перенес три инфаркта... и никогда не оправился.

Он успел составить половину задуманной книги, однако, увы, куда-то запрятал рукопись. Инга собирает ее дальше искать. "Мы в ладу прожили здесь с Юрой все эти годы", окидывает она лучистым взглядом окружающий горный ландшафт. "Этот дом я никогда не покину".

В этом неказистом доме на почетном месте висит портрет Ивана Лукьяновича, с неслышанной художественной мощью исполненный его сыном. Наружность писателя преобразованная, вдохновенная; он имеет вид пророка. Кисть Юры сумела передать необыкновенную силу человека, который своей манерой писания, искренностью, экспрессией был способен как электрическим током сотрясать своих читателей. Его взгляд пронзителен; его глаза горят огнем вероятно того же блеска, который некогда горел в глазах Достоевского.

НИКОЛАЙ КАЗАНЦЕВ

“ДОБРОВОЛЕЦ” № 1

Материалы, содержащиеся в журнале, издающемся в Москве военно-историческим клубом “Доброволец — XX век”, пробудили в моей душе воспоминания, которыми позволю себе поделиться с читателями.

Имею в виду в первую очередь статьи “Военные формирования Движения Европейских Добровольцев на Восточном Фронте 1941-1943 гг.” и “Freikorps Danmark”. В первой воспроизводится нарукавный шеврон с надписью “España”, который и я когда-то носил наравне с бойцами Голубой Дивизии, и говорится о красно-желтом флаге, который я видел не раз развернутым на ветру на полях под Ленинградом, где столько крови пролилось с обеих сторон.

А вторая переносит меня в более позднее время, в лагерь для перемещенных лиц в Париже, на улице Леру. Туда доставили как-то большую группу датских добровольцев германской армии в ожидании репатриации. Вопреки обычному представлению о скандинавах, были они все, помню, как на подбор, темноволосые и низкорослые молодые люди, и в сильно подавленном настроении. Очевидно, от возврата на родину они ничего хорошего не ждали. Кстати, о дальнейшей судьбе добровольцев из разных стран, участвовавших в тогдашней войне, в журнале, к сожалению, не рассказывается.

В том лагере чуть ли не треть обитателей составляли русские и представители многообразных народностей России, — но официально среди них ни одного советского подданного, по понятным причинам, не имелось.

Мой добрый приятель, подсоветский армянин Аведис Аведисян, занимавший мелкую должность в администрации, передавая какое-то поручение датчанам, поздоровался с ними по всем правилам германского вермахта, желая их ободрить. И, как он рассказывал, не без успеха; они по выправке признали в нем офицера той же армии, где сами служили.

Аведис, когда его спрашивали, что он делал во время войны, отвечал обычно: “Воевал за родину, против Сталина!” Право — лучше не скажешь... Формула нам всем как нельзя лучше подходила.

Датчане однако пробыли у нас недолго, — их вскоре отправили на родину.

Разбирает “Доброволец” и судьбу Валлонского Легиона Леона Дегрелля, где как известно набралась большая команда из русского населения и под эгидой старых эмигрантов (но они почти все погибли, и мне их встречать не случалось). В моем родном городе, Царском Селе (в то время Детском Селе, только что нелепо переименованным в “Пушкин”) мне прихо-

дилось иногда слышать разговор по французски среди военных; даже хотелось с ними заговорить, да постеснялся.

Это были, полагаю, именно валлоны; французский легион “Шарлемань” как будто в наших местах не действовал. Вот его участников ждала потом несладкая участь во Франции: об этом позже были напечатаны воспоминания уцелевших.

Интересна тоже в “Добровольце” статья “Иностранцы добровольцы в англо-бурской войне”.

Об этом, впрочем, сколько романов создано в ту эпоху, по французски и по немецки (многие переведены и по русски)! Сочувствие России принадлежало целиком бурам, как и сочувствие большинства стран Европы, откуда многие ехали воевать на их стороне: Голландия, Франция, Америка, Россия, Италия, Ирландия и скандинавские страны, все в изобилии послали своих сынов в южноафриканские степи.

Воспоминание о нашей симпатии к бурам сохранилось в песне, из которой я, к сожалению, помню лишь немногие строфы (может быть читатели “Нашей Страны” мне помогут? Был бы им признателен...):

Трансваль, Трансваль, страна моя,
Ты вся горишь в огне...

Завоевательная война, кричаще несправедливая, дорого

обошлась англичанам: буры оказались прекрасные стрелки, — и они знали, за что боролись...

Британская же армия, привычная тогда к колониальным войнам, показала себя плохо подготовленной к борьбе с белым и христианским населением; купить победу ей удалось лишь ценой применения бесчеловечных методов, — мирное население загонялось в концлагеря (первый опыт в этой области!), применялась тактика “выжженной земли” и вдоволь других некрасивых приемов.

И еще одно личное воспоминание; по поводу статьи тут же “Корниловская Ударная Дивизия”. В ней дан, — еще совсем молодым, — портрет полковника М. Н. Левитова. Выйдя из лагеря на волю, я встретил его, старого знакомого по Берлину, в церкви на Дарю. Он меня познакомил с Р. Б. Гулем, и с того началась моя в эмиграции литературная и политическая активность.

Ложка дегтя в бочке меда: составители журнала видимо не знают иностранных языков. Многие фамилии даны в искаженной форме: Лакройс вместо Лакруа, О’Ши вместо О’Ши и т. п.

Забавная ошибка: русский город Псков фигурирует в одной из статей под немецким названием Плескау!

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

РЫЦАРЬ ПЕЧАЛЬНОГО ОБРАЗА...

“Есть что-то страшное, я бы сказал, роковое в судьбе людей, родившихся в двадцатые и тридцатые годы...” Так констатирует поэт, литератор Юрий Шилов, признающийся: “я сам принадлежу к этим поколениям”. Что же, в наши демократические времена, родившиеся в те “года глухие” (в буквальном смысле, и не снисшиеся Блоку “дореволюционному”, пугавшему себя призраком Победоносцева, а не Ярославского-Губельмана) подарили миру множество покаянных — и бесконечно живых — автобиографических свидетельств, где истину можно угадать разве что между строк. Ибо — еще одна цитата: “Как бы самой историей они были обречены и принесены в жертву советчине”.

В том страшном королевстве кривых зеркал, в какой превратился литературный мир бывшей России, эти псевдосвидетельства только дезориентируют молодые поколения, которые рвутся к истине и хотят, по меньшей мере осознать, кем же были на самом деле их отцы и деды по крови и по духу. Ю. Шилов — с высоты своих лет и прожитого-пережитого — знает “лишь одного писателя, которому удалось “соскоблить” с себя эту омерзительную советчину” — В. А. Солоухина. Сегодня мы можем сказать, что не только автор гениальной “Последней ступени” смог содрать с себя, “вместе с кожей”, это роковое наследие. Не будем говорить в категориях “количества” (“степени” — дарования, признания, тиражей и

известности); речь идет о качестве мировоззрения. если можно так выразиться. Содрав с себя кожу, остается или умереть, или обрести новый “кожный покров”.

Покойный Владимир Алексеевич — в своей многообразной творческой деятельности воплотивший все этапы так называемой “русской советской литературы” — “пришел” к монархизму, в форме весьма расплывчатой и скорее воспринимавшейся им самим (как и его духовным mentorом — Ильей Глазуновым) в качестве “альтернативы” убийственно плоскому официальному мировоззрению. И это уже — стало страшным вызовом для всех холуев той кормушки, которой был Союз Советских Писателей. О большем тогда и помыслить было нельзя.

Но были и иные “альтернативы”. Естественные — со стороны молодых поэтов и писателей (как Николай Браун — сын Николая Брауна и Марии Комиссаровой — брошенной в ГУЛАГ за “антисоветскую деятельность”, главным образом литературную). Неожиданные — и тем более убедительные, со стороны поколения Багрицких и Коганов. Это — малый архипелаг пишущей братии, во многом уже покинувшей наш грешный мир, но существующий не только “виртуально”. Так сказать, новый “андерграунд” в условиях дарованных свыше демократических свобод. На книжном рынке представленный публикациями “за свой счет”. Когда-то эти малотиражные издания будут цениться на вес золота.

Трудно быть пророком на книжном рынке — да и не об этом речь — но хотим обратить внимание читающей публики (не “российской”, но — русской) на этого литератора. Вот, что пишет Юрий Васильевич Шилов:

Не возрождение, а вырождение,
Собрание воря и пьяниц
Под некой кличкой “россияне”.
О! демократии озон:
Боннер, Явлинский и Кобзон.
С наездницей чеченогорской
Осатаневшей Новодворской!
В тартарары пошла держава
С мурлыканьями Окуджавы...
— Ты не желаешь жить по-свински?
А для чего тогда Гусинский?
— Не повезло тебе чертовски?
Тебе поможет Березовский.
И станут за тебя горой
Гайдар, Чубайс и Боровой!

О себе Ю. Шилов говорит: терский казак, был дьяконом, русский патриот и монархист.

Книга Шилова “Улица ночи” состоит на половину из поэтических произведений, наполовину — из прозы.

Нам помнится, был спор Юрия Васильевича с Владимиром Андреевичем Рудинским на страницах “Нашей Страны” из-за слов первого: “Что касается “качества таланта”, то это напрямую относится к одному из самых блестящих и замечательных интеллектуалов, каким был Георгий Викторович Адамович”.

Я, как и Рудинский, также не являюсь поклонником Адамовича, хотя бы из-за его мужеложества, которое в его времена считалось неприличным. Лучший его выбор пал на поэта Георгия Ива-

нова, сотрудника, до революции, журналов “Аполлон” и “Современник”. У Иванова, закончившего кадетский корпус еще в 1910 году, замстно влияние поэта Кузмина, написавшего в эмиграции интереснейшую книгу “Петербургские зимы”.

Но Шилову все прощается, ибо он любит Гумилева!

Хороши стихи Шилова:

Нельзя умереть, не увидев Парижа,
Его захотелось увидеть поближе...
С душой нелепой, растерзанной,
русской
Схож в чем, наверно, характер
Французский?
Парижа дождливого серая роза,
Ты в сон мой вошла самовластно,
без спроса,
В колодец души ты мерцаешь
чуть зыбко
Венерой Милосской со скрытой
улыбкой...
В соборе стоишь ты и смотришь
так странно,
Святая, великая, бедная Жанна!
Париж! Ты замусорен всяческим
сбродом,
Смотри — он тебя превращает в
урода!
Сотри же случайные, мерзкие блики,
Стань снова французским, стань
снова великим!
Давай не сдадимся.
Давай же воскреснем!
И миру споем наши новые песни.

Переехав в Мюнхен с милой женой и двумя сыновьями Ю. Шилов обогатил нашу русскую эмиграцию.

Можно порекомендовать каждому его последнюю книгу, все в ней очень интересно...

ВАЛЕНТИН ЗАРУБИН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ХРОНИКА

СОЛОНЕВИЧЕВЕДЕНИЕ

Нам пишут из СПб:

В Санкт Петербурге в Вербное Воскресенье, в Государственном Музее Политической Истории состоялась научно-практическая конференция "И. Л. Солоневич — идеолог Народной Монархии". Она была организована редакцией газеты "Монархист" совместно с Петербургским отделом Российского Имперского Союза-Ордена и приурочена к 50-й годовщине со дня смерти крупнейшего русского эмигрантского публициста и мыслителя монархического направления И. Л. Солоневича (1891-1953).

На конференции были сделаны доклады:

Заместителя секретаря Санкт-Петербургского отдела Российского Имперского Союза-Ордена Ю. Сорокина "И. Л. Солоневич о монархии и народном представительстве"; доктора исторических наук профессора Гродненского Государственного Университета В. Н. Черепицы "Историческая доминанта в политическом учении И. Л. Солоневича" (тезисы доклада огласил секретарь Санкт-Петербургского отдела РИС-О Д. Е. Вюнш-Арский; кандидата филологических наук (Институт языка, литературы и истории, Петрозаводск) Е. Г. Соини "Иван Солоневич и Финляндия"; кандидата исторических наук К. А. Чистякова (Москва) "Движение штабс-капитанов"; кандидата исторических наук, докторанта Санкт-Петербургского университета культуры П. Н. Базанова "Фонд "Братья Солоневичи" в архиве-библиотеке научно-исследовательского центра "Мемориал СПб"; заместителя редактора газеты "Монархист" И. П. Воронина (Санкт Петербург) "Иван Солоневич — журналист, редактор, издатель".

И. П. Воронин сообщил присутствующим, что идею конференции поддержали, но не смогли прибыть лично Н. Л. Казанцев, М. Б. Смолин, В. Н. Черепица и Н. Никандров.

На конференции также состоялась презентация первой книги из "Белой Библиотеки" — сборника не переиздававшихся в России статей И. Л. Солоневича 1936-1940 гг. "Вся власть — русским мозгам!" Материалы конференции будут размещены на узле газеты "Монархист" в сети Интернет: www.monarhist-spb.narod.ru Так же предполагается издание сборника.

ВЕНОК НА МОГИЛУ

Нам пишут из Монтевидео:

Представители русской эмиграции в Уругвае 4 апреля с. г. возложили венок на могилу И. Л. Солоневича в связи с 50-летием его кончины. В церемонии приняли участие представители местной интеллигенции, журналисты и другие лица.

Со словом к собравшимся обратился Сергей Флегинский, сын офицера Русского Корпуса на Балканах, отметивший сохранившееся и поныне влияние идеи Народной Монархии, принципы которой последовательно отстаивал основатель "Нашей Страны". Он подчеркнул, что несмотря на прошедший полувек, память о выдающемся представителе русской эмиграции жива в сердцах всех, кому не безразлична судьба русского народа.

Последние годы своей жизни И. Л. Солоневич провел в Уругвае, куда был выслан из Аргентины правительством Перона.

"ДОВОЛЕЦ"

Нам пишут из Москвы:

Под таким названием здесь вышел 1-й номер печатного органа военно-исторического клуба "Доброволец", ставящего своей целью не только "изучение событий военной истории и реконструкцию униформы и снаряжения периода XX века, но и возрождение славных традиций Российской Императорской, Белой Добровольческой и Русской Освободительной Армий".

Редакция отметила, что "издания с таким же названием существовали и ранее: первое из них выходило в 1919 году на территории центральной России, занятой войсками ВСЮР; второе — газета, которую издавал во Франции генерал А. И. Деникин в 1936-1938 гг. Третий "Доброволец", редактируемый генералом Г. Н. Жиленковым, был органом частей РОА в 1943-44 гг. Четвертый издавался генералом А. В. Туркулом, бывшим начальником Дроздовской дивизии, в 1953-1957 гг. в Мюнхене, как орган связи бывших чинов РОА. Пятым же стал "Доброволец", основанный генералами И. Дитрихом и Ф. Штайнером в Германии также после войны".

Почтовый адрес "Добровольца": 105120, г. Москва, ул. Сергия Радонежского, д. 8, кв. 44, Кузнецову, Н. А. Электронный адрес: nikita-k1978@yandex.ru

ПЕРЛ ХАРБОР НАОБОРОТ

Нам пишут из Нью Йорка:

В интервью журналу "Ньюс-ик" известный историк и

советник президента Джона Кеннеди Артур Шлезингер заявил, что Буш сделал "роковую ошибку. Я думаю, мы сделали роковой поворот в нашей внешней политике, отказавшись от доктрины сдержек и противовесов (с которой мирно выиграли "холодную войну") и приняв за основу нашей внешней политики превентивную войну. Превентивная война, упреждающая защита — это доктрина, которой Япония оправдала Перл Харбор. Франклин Д. Рузвельт, один из американских президентов, сказал, что этот день запомнится как день свершения величайшей подлости. А сейчас доктрина Буша — это доктрина превентивной войны, которая делает из Америки самоназначенного мирового судью, присяжных и исполнителей в одном лице".

По мнению американского историка, "насколько благими ни были бы наши намерения, это непременно окажет растлевающий эффект на наше руководство. Я думаю, что само представление об Америке как о мировом судье, присяжных и палаче сразу — это трагически-ошибочное представление. Это — Перл Харбор наоборот. И не удивительно, что в глазах всего мира мы выглядим неотесанным громилой. У меня это вызывает глубокое уныние".

Шлезингер сказал затем, что Бушу и его администрации "не хватает чувства историзма. Им не хватает уважения к мнению других стран. Иными словами, остальной мир хорош только до тех пор, пока он согласен с мнением Белого Дома".

Американский историк убежден, что агрессия против Ирака играет на руки врагам США: "Ярые противники США по всему миру усилили свои позиции благодаря поведению нынешней администрации, ее убежденности, что остальной мир должен подчиняться нашим интересам, нашим установкам. Буш считает, что был уполномочен Всевышним идти войной на Ирак. Но Ирак представлял гораздо менее прямую и явную угрозу чем Северная Корея, у которой есть ядерное оружие. Разница в нашем отношении к Ираку и Северной Корее становится сильным побудительным мотивом для других "стран-изгоев", создавать собственные ядерные арсеналы".

НАМЕСТНИК БУША

Нам пишут из Вашингтона:

Американский наместник в Ираке, генерал в отставке Джей Гарнер является личным другом премьер-министра Израиля Ариэля Шарона. В арабской

прессе появились сообщения о желании Гарнера пригласить потрудиться "на благо иракского народа" своих израильских приятелей, в том числе бывшего министра Обороны Беньямина Бен-Элиэзера. С этими слухами связаны и публикации о намерении Гарнера провести нефтепровод из Ирака через Иорданию в Израиль.

По мнению международных обозревателей подобные намерения, а также связи Гарнера с израильскими руководителями вряд ли будут способствовать налаживанию нормальных отношений с арабами — как в самом Ираке, так и за его пределами.

ЛАУРЕАТЫ СОЛЖЕНИЦЫНА

Нам пишут из Москвы:

Лауреатами литературной премии А. Солженицына в нынешнем году стали Ольга Седакова и Юрий Кублановский. Писатель основал свой фонд в 1974 году и передал в него все гонорары, полученные по всему миру за "Архипелаг ГУЛАГ". Фонд был создан с целью оказания помощи жертвам политических репрессий и финансирования проектов по сохранению русской культуры.

О. Седакова удостоена этой премии "за отважное устремление простым лирическим словом передать таинственность бытия; за тонкость и глубину филологических и религиозно-философских эссе". Ю. Кублановский — "за языковое и метафорическое богатство стиха, пронизанного болью русской судьбы; за нравственную точность публицистического слова".

55 ЛЕТ

Нам пишут из Москвы:

Выходящий здесь журнал "Двуглавый Орел" отметил, что "несмотря на тяжелый кризис, постигший Аргентину, в Буэнос Айресе продолжает выходить старейшая русская монархическая газета "Наша Страна". Эта газета была основана в 1948 г. известнейшим русским философом и публицистом И. Л. Солоневичем, на трудах которого воспитались несколько поколений русских монархистов. На страницах этого замечательного издания звучит голос России, и "Наша Страна" безразрывно связана с нашей страной".

Затем орган Всероссийского Монархического Центра написал: "Мы поздравляем своих коллег с грядущим в 2003 году 55-летним юбилеем и молитвенно желаем, несмотря на многочисленные трудности продолжать свое святое служение отечеству".